

Научная статья / Research Article

УДК 94:355.426(571.51)"1920"

DOI: 10.36718/2500-1825-2022-4-179-189

Лариса Александровна Кутилова¹, Алена Сергеевна Шевкунова²✉

^{1,2} Сибирский федеральный университет, Красноярск, Россия

¹ kutiloval@rambler.ru

² shevkunova.alena.98@mail.ru

ВОСПОМИНАНИЯ Д.Н. ФЕДОТОВА-УАЙТА О СОБЫТИЯХ ВЕЛИКОГО СИБИРСКОГО ЛЕДОВОГО ПОХОДА БЕЛОЙ АРМИИ

В статье через призму исторической антропологии и эго-документов анализируются события региональной составляющей Гражданской войны в России. В центре внимания воспоминания белого эмигранта, бывшего морского офицера о Великом сибирском ледовом походе. В условиях отсутствия достаточного количества официальных документов и традиционных источников об этом трагическом событии внимание историков обращено в первую очередь на источники личного происхождения. В этом плане воспоминания Д.Н. Федотова-Уайта дают возможность глазами одного из его участников показать отступление белой армии в конце 1919 – начале 1920 гг. Тяжелейшему походу через сибирскую тайгу посвящены отдельные главы воспоминаний, которые были написаны на английском языке в конце 1930-х гг. в США. В этой связи важно отметить, что Д.Н. Федотов-Уайт старался передать впечатления тех лет, а не ретроспективу 1938 г. Он участвовал в походе сначала как офицер морского полка, а затем на завершающем этапе во время движения белых от Братского острога до Иркутска стал его командующим. Исследователь отмечал, что это подразделение белой армии было недостаточно обучено для участия в военных операциях в сложных условиях сибирской тайги, поскольку офицеры и солдаты не успели пройти специальную подготовку для ведения боев на суше, что повлияло на результаты в борьбе с красными. В воспоминаниях Д.Н. Федотова-Уайта особенно важны компоненты антропологического подхода – личное восприятие, эмоциональная окраска, культура повседневности сибирской деревни и участников похода, детализированность описаний.

Ключевые слова: Гражданская война, Великий сибирский ледяной поход, историческая антропология, воспоминания Д.Н. Федотова-Уайта

Для цитирования: Кутилова Л.А., Шевкунова А.С. Воспоминания Д.Н. Федотова-Уайта о событиях Великого сибирского ледового похода белой армии // Социально-экономический и гуманитарный журнал. 2022. №4. С. 179–189. DOI: 10.36718/2500-1825-2022-4-179-189.

Larisa Alexandrovna Kutilova¹, Alena Sergeevna Shevkunova²✉

^{1,2} Siberian Federal University, Krasnoyarsk, Russia

¹ kutiloval@rambler.ru

² shevkunova.alena.98@mail.ru

D.N. FEDOTOFF-WHITE'S MEMOIRS ABOUT THE WHITE ARMY GREAT SIBERIAN ICE CAMPAIGN EVENTS

The paper analyzes the events of the regional component of the Civil War in Russia through the prism of historical anthropology and ego-documents. The focus is on the memories of a white emigrant, a former naval officer about the Great Siberian Ice Campaign. In the absence of a sufficient number of official documents and traditional sources about this tragic event, the attention of historians is drawn primarily to sources of personal origin. In this regard, the memoirs of D.N. Fedotov-White provide an opportunity through the eyes of one of its participants to show the retreat of the White Army in late 1919 - early 1920. The most difficult campaign through the Siberian taiga is devoted to separate chapters of memoirs, which were written in English in the late 1930s in the USA. In this regard, it is important to note that D.N. Fedotov-White tried to convey the impressions of those years, and not a retrospective of 1938. He participated in the campaign, first as an officer of the naval regiment, and then at the final stage, during the movement of the Whites from Bratsk prison to Irkutsk, he became its commander. The researcher noted that this unit of the White Army was not sufficiently trained to participate in military operations in the difficult conditions of the Siberian taiga, since officers and soldiers did not have time to undergo special training for fighting on land, which affected the results in the fight against the Reds. In the memoirs of D.N. Fedotov-White, the components of the anthropological approach are especially important - personal perception, emotional coloring, the culture of everyday life of the Siberian village and the participants in the campaign, the detail of the descriptions.

Keywords: Civil War, Great Siberian Ice Campaign, historical anthropology, memoirs of D.N. Fedotov-White

For citation: Kutilova L.A., Shevkunova A.S. D.N. Fedotoff-White's memoirs about the white army great siberian ice campaign events // Socio-economic and humanitarian journal. 2022. № 4. S. 179–189. DOI: 10.36718/2500-1825-2022-4-179-189.

Введение. Великий сибирский ледяной поход является одним из ключевых этапов Гражданской войны в России. Он стал переломным как в ходе региональной составляющей войны, так и всей истории страны, поскольку именно в этот период Красной армии удалось получить преимущество над белогвардейцами в ходе военной кампании. Данная работа представляет собой попытку использовать микроисторический подход для расширения возможностей изучения событий Гражданской войны в Сибири. По

мнению историка Г.В. Листвина, сложность в изучении Великого сибирского ледяного похода белой армии состоит в том, что ход событий можно реконструировать в основном по воспоминаниям участников [1, с. 3]. Исследователь подчеркивал, что большинство приказов красных были посвящены административно-хозяйственной деятельности и не содержали других сведений и сюжетов, по которым можно было бы подробно проанализировать, например, ход военных событий. Найти подлинники доку-

ментов белогвардейцев (приказов и т.п.) крайне сложно из-за того, что, находясь в сложнейших условиях выживания, они не уделяли должного внимания делопроизводству. Кроме того, в советский период многие документы белых были уничтожены. В этой связи, по мнению Листвина, мемуары становятся основным видом источников для изучения событий Великого сибирского ледяного похода, в том числе отступления белых войск А.В. Колчака в Сибири. При этом подчеркнем, что большой пласт эгоисточников оставили представители русской эмиграции первой волны, непосредственно участвовавшие в Гражданской войне и ледяном походе [2, 3]. Среди них, например, российский эмигрант Д.Н. Федотов-Уайт, также оставивший воспоминания о тех днях.

Цель исследования. Через призму исторической антропологии и эгодокументов проанализировать события региональной составляющей Гражданской войны в России.

Методология исследования. Безусловно, внимание к источникам личного происхождения возросло в рамках антропологического поворота, когда историки стали подчеркивать роль «маленьких» людей в истории, а фокус исторических исследований сместился с описания роли героев к локальной истории, микроистории, проблемам обычных людей, их обыденным запросам и нуждам, подчеркивая значимость частной жизни и культуры повседневности. Такие источники позволяют проследить восприятие событий разными людьми, что дает многовекторное разнообразие в описании истории. Также отметим, что «тотальная история», основные подходы к которой были сформулированы представителями школы «Анналов», словами М. Блока, призывала изучать все исторические источники тотально: «Все, что человек говорит или пишет, все, что он изготавливает, все, к чему он прикасается, все может и должно давать сведения о нем».

Детализированность описаний в таких источниках, эмоциональная окраска,

переживания, чувства дополняют сухую, сжатую картину официальных документов и традиционных источников, внося разнообразие в исторический нарратив, придавая «вкус и цвет» эпохе. В мемуарах авторы повествуют о событиях, в которых сами принимали участие, поэтому в воспоминаниях перед нами описание событий постфактум, то есть ретроспекция, реконструированная реальность, пережитая автором. Поэтому, изучая мемуары, мы должны сделать поправку на то, что существовала временная дистанция между тем, когда событие происходило, и тем, и когда оно было описано автором. Мемуары – это не спонтанная рефлексия на события, а проверенное временем сконструированное описание; сконструированное под влиянием переосмысления событий, своей роли в них, а также нынешнего положения автора. Необходимо подчеркнуть, что автор, став историком-исследователем, понимал, что его взгляды изменились почти за 20 лет жизни в эмиграции, но он старался воспроизвести те оценки и мысли, как они были записаны в дневниковых записях в ходе Ледового похода, чтобы, как он писал, «передать впечатления того времени, а не ретроспективу взглядов 1938 года» [4, с. 136].

Результаты исследования и их обсуждение. Деятельность и творчество Федотова-Уайта уже изучали современные российские исследователи Е.В. Петров, В.Г. Бабин, но главным образом в контексте изучения роли российских эмигрантов в развитии западной науки в области изучения России [5]. Исследователь Н.А. Кузнецов отмечал роль Дмитрия Николаевича как командующего морским полком во время движения белых от Братского острога до Иркутска [6, с. 33]. В целом деятельность и творческое наследие Д.Н. Федотова-Уайта в России изучены недостаточно. Вероятно, это связано с тем, что он издавал свои работы в эмиграции на английском языке. В России они были переведены совсем недавно, в 2018 г., и изданы в ограниченном количестве. В данной статье ссылки

даны на авторский вариант текста воспоминаний в переводе на русский язык. Перевод сделан авторами публикации. Все работы Федотова-Уайта хранятся в библиотеке Бахметевского фонда в архиве Колумбийского университета в США [7]. В то же время его мемуары о Великом сибирском ледяном походе представляют серьезный исследовательский интерес, поскольку содержат большой пласт разнородной информации о повседневности белой армии в событиях Гражданской войны в Сибири, а также описания быта и образа жизни населения сибирских деревень.

Дмитрий Николаевич Федотов-Уайт не самый известный персонаж российской истории. Он был уроженцем Кронштадта, в 1910 г. окончил Морской кадетский корпус. Участвовал в Первой мировой войне. Сначала служил старшим лейтенантом на Балтийском флоте, затем стал помощником морского агента в Вашингтоне и Лондоне, а также являлся переводчиком во время визита американской миссии в 1917 г. в Россию, в 1918 г. он служил на Британском флоте [4].

В своем дневнике он писал, что на его политические взгляды повлияла служба в водах Европы и Америки, а также участие в раннем возрасте в командировках отца за рубежом: «...Будучи по склонности западником, в русском смысле этого слова, еще с ранней юности длительное пребывание за границей помогло подчеркнуть эту тенденцию и побудило меня искать решения различных российских проблем с точки зрения европейской цивилизации, а не русской традиции. Это несколько не повлияло на мою гордость за служение России или на мое восхищение чертами русского характера. Это просто оттолкнуло меня от тех русских, которые чувствовали, что у России есть своя отдельная миссия и хотели, чтобы она реализовывалась по некоторым конкретным линиям "России третьего Рима"» [4, с. 10–11]. С окончанием Первой мировой войны в феврале 1919 г. Федотов, лежа в больнице с пневмонией, решил уйти с британской службы. Этому

способствовало несколько причин: «Во-первых, я не хотел возвращаться в Архангельск и продолжать участвовать в том предприятии союзников, которое я считал тщетным и обреченным на провал. Во-вторых, я был очень зол на приглашение, направленное г-ном Ллойд-Джорджем различным российским фракциям встретиться на Принцевых островах для урегулирования разногласий. Я думал, что ясно вижу истинную причину этого приглашения, которое показалось мне верхом лицемерия» [4, с. 199]. Действительно, приглашение на Принцевы острова для всех политических сил в России имело целью «провести дипломатический зондаж возможностей компромисса с Москвой» [8, с. 87]. Но сама идея провести переговоры между странами Антанты и российскими правительствами, контролирующими разные территории, в Мраморном море принадлежала не Ллойд-Джорджу, как пишет Федотов, а американскому президенту Вудро Вильсону. Несмотря на то что перспектива внутрироссийского урегулирования была весьма туманной, можно было попытаться наметить пути к поиску компромисса. Однако категорически против такой возможности выступили адмирал А.В. Колчак и генерал А. Деникин, несмотря на принципиальное согласие большевиков. Последним выгодно было выиграть время в условиях наступления белых. Причины злости Федотова на предложение союзников, вероятно, связаны с убеждением, что они недостаточно помогали белым на севере в реализации планов в Архангельске и Мурманске. Также он считал несправедливым неучастие России в Парижской мирной конференции, поэтому приглашение для переговоров на Принцевы острова называет лицемерным.

В этот непростой период российской истории Федотов-Уайт решил вернуться в Россию и вступить в Гражданскую войну на стороне белых. Он справедливо считал, что попытки союзников остановить большевистскую волну с помощью интервенции являлись продолжением пла-

нов воссоздания Восточного фронта против Германии. В то же время Федотов отмечал, что белое движение было связано с интервенциями союзников, но у них были разные цели: «Архангельская кампания, Сибирское вмешательство и другие вооруженные нападения союзников на Советскую Россию были результатом этих планов. Русское белое движение на большинстве своих этапов было тесно связано с этими интервенциями, хотя и преследовало совершенно иные цели. Различные белые группы были объединены общим желанием положить конец большевистскому правлению в России, они состояли из элементов самой разной политической окраски – от ярких монархистов до умеренных социалистов» [4, с. 199].

Размышляя о месте службы, Д.Н. Федотов-Уайт сразу выбрал Сибирь: «Мой план отправиться в Сибирь не был результатом какой-либо веры в вероятность победы белых». Автор был достаточно пессимистично настроен в отношении исхода вооруженной борьбы с красными, поскольку полагал, что крестьянство будет поддерживать большевиков, а средний класс российских городов недостаточен и откровенно слаб, чтобы стать опорой белого движения. Размышляя о противостоянии сил в Гражданской войне, Федотов отмечал, что сомневался в «способности белых соответствовать красному руководству». Он пишет, что, скорее, даже «ожидал победы красных». Но им руководили высокие идеи служения Родине, поскольку он считал для себя невозможным «пассивно стоять в стороне и наблюдать за конфликтом с безопасного расстояния». Автор подчеркивает: «У меня была идея, что если я не погружусь в гущу гражданской борьбы, я потеряю право называть себя русским и никогда не пойму, в чем дело». На принятие решения оказало влияние его отношение к Колчаку: «Я знал, что Колчак – человек чести и искренний патриот...» [4, с. 200]. Важным также стало то обстоятельство, что многие его друзья морские офицеры, с которыми вместе учился в военно-морском

колледже или служил на Балтийском флоте, поддерживали А.В. Колчака.

С весны 1919 г. по прибытию из Великобритании в Омск Федотов-Уайт включился в события Гражданской войны – стал начальником походного штаба командующего Камской речной боевой флотилии [4, с. 217; 7]. Владея тремя иностранными языками и имея опыт в дипломатии, он время от времени выполнял обязанности начальника иностранного отдела Министерства военно-морского флота и руководил Центральным отделом военно-морской разведки, а также разведывательной работой Министерства флотилии в армии А.В. Колчака.

После того как Дмитрий Николаевич присоединился к белым в Сибири, он изменил свое отношение в исходе Гражданской войны: «В целом то, что я до сих пор видел в вооруженных силах Сибири, заставило меня подумать, что я был излишне пессимистичен в отношении исхода борьбы, и это заставило меня пересмотреть свою идею о том, что у белых вообще не было шансов на успех».

Вскоре он стал флаг-капитаном командующего Обь-Иртышской флотилией и командиром парохода «Катунь», затем в ноябре 1919 г. командиром отдельного морского учебного батальона в Омске, который был преобразован в 2-батальонный Морской полк во главе с В.Д. Песочким и дополнен участниками Обь-Иртышской флотилии. В составе этого морского полка Дмитрий Николаевич и принял участие в Великом сибирском ледяном походе. Именно Дмитрий Николаевич вел остатки морского полка к Иркутску, где его армия и закончила свое существование, попав в плен Красной армии.

Г.В. Листвин в своей работе упоминает, что Великий сибирский ледяной поход начался в ноябре 1919 г. и закончился в начале марта 1920 г. Историки выделяют три похода, связывая их с направлениями движения, – от Омска и до Енисея; от Красноярска до Канска; от Канска до Байкала и Читы [1, с. 4]. Федо-

тов в своих мемуарах говорит о том, что его морской полк начал путь к Байкалу с ноября [4, с. 256].

Этому тяжелейшему походу через сибирскую тайгу посвящены отдельные главы в воспоминаниях Дмитрия Николаевича. В декабре 1919 года его батальон остановился в таежной деревне в округе Красноярск [4, с. 264–265]. Федотов отмечал неоднозначную реакцию крестьян на приход белых: «...Бодрый старик военного вида с длинной седой бородой принял своих незваных гостей с холодной вежливостью» [4, с. 265]. Так было практически повсеместно. Однажды, столкнувшись с молчаливой враждебностью поселенцев в одной из далеких деревень, Дмитрий Николаевич для разрядки обстановки между белогвардейцами и крестьянами попросил лейтенанта Ежова спеть песню. Тот спел арию «Садко» Н.А. Римского-Корсакова, но его никто не понял. Нужна была другая мелодия. Все начали петь старую иртышскую песню о Ермаке. Федотов отмечал, что именно эта баллада стала мостом между жителями глухой тайги и берегами Иртыша [4, с. 267].

У Федотова-Уайта сложилось впечатление, что большинство крестьян имели смутное представление о Гражданской войне, она обходила глухие поселения стороной, поскольку активные боевые действия велись в крупных городах и вдоль железной дороги. Анализируя это обстоятельство, он подчеркивал: «...в Сибири не было помещиков, а отсутствие поместий в сельской местности приводило к отсутствию определенной цели для внутренних распри в деревнях. Поблизости не было казаков, а значительное расстояние от железной дороги, по-видимому, сдерживало карательные операции различных атаманов, так что они не сталкивались с постоянной вооруженной борьбой, которая велась с 1917 года во многих деревнях вдоль Транссибирской магистрали» [4, с. 309]. Часто население не особенно ориентировалось в движущих силах гражданской войны. Со слов приютившего морской

полк крестьянина Игнатия Сорова, участники войны в деревнях воспринимались, скорее, как бандиты и разбойники: «Никто из них не кажется мне настоящими солдатами. Больше похожи на банды бродячих разбойников ...Каждая группа приходит в деревню, просит еды и лошадей» [4, с. 265].

В воспоминаниях Федотова довольно много интересных наблюдений о Сибири и ее жителях. Он отмечал разный достаток населения в деревнях, находившихся недалеко от Красноярск, где крестьяне жили весьма зажиточно, и жителей тайги, где, по мнению Д.Н. Федотова-Уайта, жили очень скромно: «Когда мы двигались к северу от Красноярск, деревни казались нам почти городами по сравнению с бедными таежными поселениями, к которым мы привыкли в последнее время. Было очевидно, что крестьяне здесь жили вполне зажиточно. Их лошади были сытыми, крепкими животными и после смены саней в полдень мы двигались рысью до вечера» [4, с. 271].

На подступах к Красноярску, объезжая его с севера около двух дней, морской полк был измучен сибирским холодом и тяжелой дорогой: «даже наши люди, закаленные многомесячным маршем по Сибири, с трудом выдерживали холод в течение долгих часов дневного марша» [4, с. 269]. Дмитрий Николаевич отмечал, что по плану необходимо было войти в Красноярск, дать армии отдохнуть, «раздобыть овчины и войлочные сапоги для всех армейских запасов» и двигаться в сторону Иркутск [4, с. 270].

Но планы командования морского полка изменило восстание рабочих в Красноярске: «Когда мы вышли из тайги к югу от Транссибирской магистрали и вошли в большую деревню в нескольких милях к западу от Красноярск, нас встретил командир нашего полка. Он велел мне переместить батальон в деревню на реке Енисей к северу от города, вместо того, чтобы идти маршем на Красноярск. Полковник объяснил, что в Красноярске произошло восстание, возглавляемое эсерами, а не большевиками. Этот факт

действительно не имел для нас большого значения» [4, с. 270]. Речь идет о восстании в городе, к которому примкнул гарнизон во главе с его командующим генералом Б. Зиневичем. Впрочем, для участников Великого ледового похода не было разницы, кто руководил восстанием, значение имело лишь то, что разрушилась надежда на возможность отдохнуть и пополнить запасы продовольствия.

Раскол в планировании действий морского полка произошел в январе 1920 г. Сумятицу в настроения и деятельность белых внесли отставка и арест А.В. Колчака. По мнению Дмитрия Николаевича, солдаты морского полка особенно уважали Колчака. Но командир батальона В.Д. Песоцкий находился в растерянности. Он, например, как и вступивший в это время в командование войсками белых генерал В.О. Каппель, разрешил всем колеблющимся солдатам покинуть армию. Он не усомнился в необходимости дальнейшей борьбы, а напротив, понимал, что оставшихся солдат ждут тяжелейшие испытания. В тех условиях колеблющиеся стали бы не просто балластом, разрушающим моральное состояние армии, но и прямой опасностью для тех, кто остался в строю. Сам же Федотов сразу заявил, что «пока адмирал Колчак жив, очевидный долг – оставаться под ружьем и помочь ему совместно с другими частями белой армии, приближающимися к нам со стороны Красноярска» [4, с. 284].

В этой связи он предложил остаться в Красноярске и присоединиться к войскам В.О. Каппеля. Однако командующий В.Д. Песоцкий принял другое решение. Он отдал приказ двигаться через «чунскую тайгу», чтобы впоследствии по Ангаре выйти к Братскому острогу. В 1920 г. Федотову была непонятна подобная тактика, новый поход через труднопроходимые места измотал бы армию еще сильнее. Дмитрий Николаевич счел это не просто неверным решением, а даже предательством и предчувствовал скорое бегство командующего на сторону

красных [4, с. 285]. Действительно, изматывающий поход к Иркутску через тайгу психологически надломил солдат морского полка.

Целую главу своих воспоминаний Федотов посвятил движению морского полка через тайгу в сторону Братского острога. Федотов с отрядом останавливался в деревне на реке Чуна и писал в заметках, что «деревни на Чуне были такими бедными, а у крестьян так мало еды, что мы не могли собрать больше, чем этот скудный запас, не подвергая жителей голоду» [4, с. 288].

Помимо этого, Дмитрий Николаевич описал быт белогвардейцев в условиях тайги: «Кипятили воду в котлах, строили шалаши из сосновых бревен и молодых деревьев... Мужчины шутили по поводу скользкой тропинки к источнику или спокойно, по-деловому готовили свои скудные пайки. Лошади кормились из носовых сумок». Он отмечал, что подобные походы русской армией не устраивались со времен освоения Сибири, и сравнивал белогвардейцев с казаками. На пути к Братскому острогу их встречали таежные трудности. Например, по дороге встретился пал деревьев, который загоразживал путь: «Нам потребовалось четыре часа напряженной работы, чтобы прорубить путь через этот лабиринт древесных стволов» [4, с. 290].

Федотов отмечал, что спать приходилось в мороз на открытом воздухе: «Я спал в санях, завернувшись в два одеяла британской армии... Немного соломы вокруг ног и тяжелый шарф, завернутый поверх шапки с ушами, довершали мое постельное снаряжение. Проснувшись, я почувствовал себя таким онемевшим и окоченевшим, что не мог встать, и мне пришлось выкатиться на снег. Затем мне удалось подняться на ноги. После нескольких минут интенсивных упражнений кровь начала циркулировать, я смог подойти к огню и выпить чашку горячего чая».

Несомненно, это была битва за выживание, главным соперником белогвардейцев стали не красные, а тяжелые природные и климатические условия.

Тайга испытывала морской полк на прочность. Силы войск истощались отсутствием провизии: «...не было ни мяса, ни сахара, только хлеб, немного вяленой рыбы и перспектива съесть несколько наших лошадей» [4, с. 287]. Постепенно ряды армии редели – солдаты умирали от переохлаждения, тифа или других трудностей. Вспоминая выход из глухой тайги, Федотов-Уайт писал: «Два батальона погибли полностью, мой батальон потерял много людей от переохлаждения... Пересечение тайги было равносильно проигранной битве по своим физическим и моральным последствиям» [4, с. 298].

Однако, несмотря на трудные условия выживания, Федотов отмечал красоту сибирской природы: «Это был лес из русской сказки, где можно было внезапно встретить тощего Кощея или Бабу-ягу или какое-нибудь другое фантастическое существо из русского фольклора... Это было замечательное и внушающее благоговейный трепет зрелище. Под нами, насколько хватало глаз, простирался океан зелени. Верхушки деревьев сливались в сплошную гладкую поверхность, кое-где разбитую на длинные волны, когда огромные ели и сосны склоняли свои величественные головы перед ветром» [4, с. 287].

После выхода из тайги к Братскому острогу белая армия натолкнулась на партизан, сотрудничающих с красными. Эту часть пути он описывает как движение под конвоем, что еще больше осложняло моральное состояние солдат морского полка: «Пока мы небольшими группами проходили острог, командиры красных войск пересчитывали наших людей, прикидывали, сколько у нас пулеметов и какие запасы боеприпасов мы везли. Когда мы начали двигаться вдоль реки Ангара, маленькие красные патрули шли впереди нас, всегда в поле зрения наших сторожевых постов, а другая

группа красных следовала довольно близко за нами по пятам. С этого момента мы действительно были группой заключенных, все еще вооруженных, это правда, но двигавшихся под конвоем красных» [4, с. 298].

В этих условиях партизаны начали переговоры с белыми, предлагая амнистию в обмен на сотрудничество с ними. Федотов и часть морского полка решили продолжить движение к Иркутску. Здесь они были взяты в плен партизанами, но Дмитрий Николаевич добился амнистии для своих солдат [9]. Однако в отношении офицеров это сделать не удалось. Напротив, «регулярные части красной армии вошли в Иркутск и начали систематическую облаву на бывших офицеров белой армии». Действительно, уже 7 марта 1920 г. в Иркутск вступили части 5-й армии, «освободив Сибирь от колчаковщины» [10, с. 255].

После ареста и отбывания срока в Иркутской центральной тюрьме, Федотова-Уайта перевели в тюрьму Красноярска: «...те, кого должны были отправить в Красноярск, были из группы, которую ЧК считала хорошим материалом для показательного суда или возможными жертвами расстрельных отрядов». Дмитрий Николаевич считал, что по странной цепочке обстоятельств он был освобожден всего за день до казни сотрудников контрразведывательной службы. Вероятно, свою роль сыграло то обстоятельство, что на допросе Колчак ничего не сказал про Федотова-Уайта, когда давал показания о своих сподвижниках, а в Иркутском и Красноярском ЧК мало знали биографию Федотова.

Федотов-Уайт освобожден из Красноярской тюрьмы летом 1920 г. «Золотым днем позднего лета 1920 года я вышел через ворота мрачного, пыльного лагеря заключенных в Красноярске. Свобода пришла так же неожиданно, как счастливый жребий в ирландском тотал-

лизаторе». Сразу же после этого он принял решение уехать из Сибири: «Я был сыт Сибирью по горло и мне не терпелось попасть в Москву или Петроград, в большой город, где я не был бы замечен и в укромных уголках которого я мог бы надежно спрятаться и набраться сил для последнего рывка через границу» [4, с. 357]. Зимой 1920–1921 гг. Федотов-Уайт проживал в Москве. К скорому побегу его подтолкнуло то, что в Москве однажды в нем чуть было не узнали бывшего начальника иностранного отдела военноморского флота адмирала Колчака. Федотов сначала уехал в Петроград, а осенью 1921 г. покинул Россию через границу с Финляндией при помощи контрабандистов, которые зарабатывали на перевозках людей, желающих нелегально уехать за границу.

О своем окончательном побеге из России Федотов-Уайт писал так: «Я не только сражался в рядах белых армий и интервентов, но и занимал довольно важные посты в Белой Сибири. Более того, в 1918 году я бежал из России (речь идет о первом побеге. – *Авт.*). По любому из этих пунктов я мог быть расстрелян без особых формальностей, если бы московский или петроградский ЧК внимательно изучили досье и собрали улики против меня, что они, вероятно, и сделали, как только их меньше стали беспокоить проблемы подавления крестьянских восстаний, вызванных политикой военного коммунизма» [4, с. 392].

Размышляя о трудностях Великого ледового похода, автор анализировал вопрос целесообразности формирования морского батальона. Дмитрий Николаевич указывал на то, что это подразделение белой армии было недостаточно обучено для участия в военных операциях в сложных условиях сибирской тайги. Офицеры и солдаты служили на флотилиях канонерских лодок и не успели пройти специальную подготовку для ве-

дения боев на суше. Это повлияло на тактическую составляющую похода и успех в борьбе с красными. По мнению Федотова-Уайта, Сибирь – особое место, аналогов которому он никогда не встречал. Суровый климат, отсутствие необходимой в таких условиях одежды и обуви оказывали серьезное психологическое воздействие на белогвардейцев, лишая их физических сил и надламывая моральный дух армии. Сибирское крестьянство Д.Н. Федотов-Уайт выделил в отдельный феномен. Он отмечал самобытность населения Сибири. Важным является его мнение о том, что крестьяне, живущие в тайге, вдали от городов и железной дороги, были лишь наблюдателями кровавых событий Гражданской войны, у них не было острой потребности принимать в ней участие. Также в мемуарах уделяется внимание описанию сибирского леса, сибирского климата и жизни в тайге. Вероятно, это сделано для того, чтобы наиболее развернуто изложить картину похода, в том числе и американским читателям.

Заключение. Анализ воспоминаний Федотова-Уайта позволяет сделать вывод о том, что его мотивацией для продолжения военных действий и выполнения поставленных целей было не столько желание победить в Гражданской войне или отстоять свои идеи, сколько преданность лидеру движения А.В. Колчаку, а также возможность быть рядом с друзьями – морскими офицерами, разделяющими его взгляды. Это обстоятельство тем более важно подчеркнуть, что речь идет о военнослужащих морского полка. Дмитрий Николаевич на страницах воспоминаний неоднократно подчеркивал, что Колчак был почитаемой фигурой, особенно среди матросов флота. Перед нами важное свидетельство высокой роли личностного фактора не только в событиях Великого сибирского ледяного похода, но и Гражданской войны в целом. После заключения Колчака

под стражу в армии на сибирском направлении не нашлось яркого лидера, способного завершить цели белых. Также подчеркнем то обстоятельство, что автор мемуаров считал невозможным для себя стоять в стороне в условиях Гражданской войны, моральный долг русского человека заставлял его самостоятельно разобрататься в событиях и быть в их гуще.

Таким образом, мемуары Д.Н. Федотова-Уайта, помогают более подробно и детализировано воссоздать события Гражданской войны и дополнить общую картину повседневности белого движения 1920-х гг. в Сибири через призму восприятия одного из участников событий.

Список источников

1. *Листвин Г.В.* Хроника Сибирского ледяного похода белых армий адмирала Колчака в Красноярском и Канском уездах Енисейской губернии. Красноярск, 2010. 69 с.
2. *Волегов И.* Воспоминания о Ледяном походе. Данденонг, Виктория: Тип. Г.А. Павлова, 1988. 273 с. URL.: <http://www.hrono.info/text/podyem/voleg.html> (дата обращения: 24.05.2022).
3. Возврата нет: воспоминания жен и сестер белых офицеров // Реальное время. URL: <https://realnoevremya.ru/articles/57341-kak-dvoryane-i-belaya-armiya-otstupali-cherez-zimnyuyu-sibir> (дата обращения: 24.05.2022).
4. *Fedotoff-White D.* Survival through War and Revolution in Russia. Philadelphia, 1939. 395 p.
5. *Петров Е.В., Бабин В.Г.* Дмитрий Николаевич Федотов-Уайт (1889–1950): сотрудник «RussianInstitute» в Колумбийском университете США // Историк. Время. Общество. Москва, 2017. С. 116–128.
6. *Кузнецов Н.А.* Русский флот на чужбине. Москва: Вече, 2009. 464 с.
7. Bakhmeteff Archive. Dmitrii Nikolaevich Fedotoff-White papers. В. 94. Ms coll / Fedotoff-White.
8. Системная история международных отношений. События 1918–1945 годов / под ред. *А.Д. Богатурова*. Москва: Культурная революция, 2006. Т. 1. 480 с.
9. Государственный архив Иркутской области. Ф. Р. 42. Оп. 1. Д. 92. Л. 1.
10. Борьба за власть Советов в Иркутской губернии: сб. документов / сост. *З.Т. Тагаров, А.П. Меццерский*. Иркутск: Кн. изд-во, 1957. 423 с.

References

1. *Listvin G.V.* Khronika Sibirskogo ledyanogo pokhoda belykh armii admirala Kolchaka v Krasnoyarskom i Kanskom uezdakh Eniseiskoi gubernii. Krasnoyarsk, 2010. 69 s.
2. *Volegov I.* Vospominaniya o Ledyanom pokhode. Dandenong, Viktoriya: Tip. G.A. Pavlova, 1988. 273 s. URL.: <http://www.hrono.info/text/podyem/voleg.html> (data obrashcheniya: 24.05.2022).
3. Vozvrata net: vospominaniya zhen i sester belykh ofitserov // Real'noe vremya. URL: <https://realnoevremya.ru/articles/57341-kak-dvoryane-i-belaya-armiya-otstupali-cherez-zimnyuyu-sibir> (data obrashcheniya: 24.05.2022).
4. *Fedotoff-White D.* Survival through War and Revolution in Russia. Philadelphia, 1939. 395 p.
5. *Petrov E.V., Babin V.G.* Dmitrii Nikolaevich Fedotov-Uait (1889–1950): sotrudnik «RussianInstitute» v Kolumbiiskom universitete SSHA // Istorik. Vremya. Obschestvo. Moskva, 2017. S. 116–128.
6. *Kuznetsov N.A.* Russkii flot na chuzhbine. Moskva: Veche, 2009. 464 s.
7. Bakhmeteff Archive. Dmitrii Nikolaevich Fedotoff-White papers. В. 94. Ms coll / Fedotoff-White.

8. *Sistemnaya istoriya mezhdunarodnykh otnoshenii. Sobytiya 1918–1945 godov / pod red. A.D. Bogaturova. Moskva: Kul'turnaya revolyutsiya, 2006. T. 1. 480 s.*
9. *Gosudarstvennyi arkhiv Irkutskoi oblasti. F. R. 42. Op. 1. D. 92. L. 1.*
10. *Bor'ba za vlast' Sovetov v Irkutskoi gubernii: sb. dokumentov / sost. Z.T. Tagarov, A.P. Meshcherskii. Irkutsk: Kn. izd-vo, 1957. 423 s.*

Статья принята к публикации 17.10.2022 /
The article has been accepted for publication 17.10.2022.

Информация об авторах:

Лариса Александровна Кутилова, доцент кафедры истории России, мировых и региональных цивилизаций, кандидат исторических наук

Алена Сергеевна Шевкунова, магистрант кафедры истории России, мировых и региональных цивилизаций

Information about the authors:

Larisa Alexandrovna Kutilova, Associate Professor at the Department of History of Russia, World and Regional Civilizations, Candidate of Historical Sciences

Alena Sergeevna Shevkunova, Master Student at the Department of History of Russia, World and Regional Civilizations

